

Aleksander Kiklewicz

0

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ МНОГОЗНАЧНОСТИ

Przegląd Wschodnioeuropejski 5/2, 225-241

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ALEKSANDER KIKLEWICZ

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

О КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ МНОГОЗНАЧНОСТИ (1)¹

On the communicative-pragmatical aspects of polysemy

KEYWORDS: lexical semantics, polysemy, metaphor, pragmalinguistics and sociopragmatics, functional linguistics, metaphor, lexicography / dictionaries, semantic compilation, metaphor-reminiscences

ABSTRACT: The subject of the present article deals with semantic derivation processes, i.e. with modification of the lexical units meaning which determines their polysemy (metaphor or metonymy). The author presents the theoretical basis for the study of polysemy taking into account the conditions of communicative, pragmatical and anthropological context of the activities of social groups of various formats. In so doing the author is based on linguistic literature on the theory and methodology of language, as well as in the field of lexical semantics. The author pays particular attention to the semantic compilation in the modern lexicography, and describes the phenomenon of metaphor-reminiscences.

Предметом данной статьи являются процессы семантической деривации, т.е. видоизменения значения лексических единиц, приводящие к их многозначности. С учетом лингвистической литературы, главным образом, в области теории языка и лексической семантики, а также на материале современного русского языка будет показана, что лексическая, в том числе метафорическая, номинация носит идиосинкратический характер, т.е. отражает коммуникативно-прагматические и социо-культурные потребности языковой личности. Значительное внимание будет посвящено языковой компиляции – аддитивному представлению языковых единиц, отношений и категорий в традиционной и структурной лингвистике, без учета их переработки в человеческом сознании.

---

¹ Переработанный и расширенный вариант статьи, опубликованной в журнале «Общество & человек» (ISSN 2218-9728); 2014/1, 52–59. Вторая часть статьи будет опубликована в следующем номере журнала.

Рыбы и улитки... О социальном факторе когнитивных процессов

В 2010 году в средствах массовой информации появилось сообщение о принятом Европейской Комиссией решении причислить улиток к категории... наземных рыб. Данное решение было принято по инициативе Франции, заинтересованной в получении дотации на разведение улиток в таком же размере, в каком ЕС дотирует рыболовство. Подобным же образом в далеком XVII веке католическая церковь причислила к категории рыб... бобров – и в этом случае мотив имел экономический, а точнее – гастрономический характер: благодаря решению церковных властей мясо бобра можно было есть во время поста.

Приведенные примеры, как догадывается читатель, интересны и поучительны с лингвистической точки зрения: в обоих случаях мы имеем дело со своего рода метафорой – отождествлением двух понятий. Такое отождествление понятий или, другими словами, пренебрежение семантическими различиями (в терминологии психолога И. М. Розета (1977, 124) – анаксиоматизация) наблюдается во всех случаях полисемии: часть содержащейся в знаке информации обесценивается, что и дает говорящему повод, например, для употребления глагола *лететь* вместо глагола *мчаться*, глагола *разбирать* вместо глагола *обсуждать*, глаголы *донести* вместо глагола *сообщить* и т.д. Обратим, однако, внимание, что, во-первых, семантические проекции УЛИТКИ – ЭТО РЫБЫ, БОБРЫ – ЭТО РЫБЫ не означают генерирования одного понятия на основе другого – они имеют смысл только в определенном аспекте, с точки зрения отдельных семантических параметров (<дотация на разведение>, <употребление в пищу во время поста>). В когнитивной семантике эта сторона метафор отражена в постулате фокусирования (англ. *focussing hypothesis*): как пишет О. Екель (Jakel 1997; 1998; 2002), метафора отражает только один из аспектов целевой понятийной категории, оставляя «за кадром» другие.

Во-вторых, что более важно с точки зрения проблематики данной работы, приведенные метафорические проекции реализуются в рамках определенного, узкоспециального дискурса: в первом случае – экономико-политического («унийного»), во втором случае – религиозно-культурного. Это означает, что семантические процессы, независимо от содержания участвующих в них знаков, обладают не только ментально-репрезентативными, но и прагматическими, коммуникативными, а также, отчасти, социальными характеристиками. Каждому факту семантической проекции (в терминологии когнитивной лингвистики) или семантической деривации (в терминологии структурной лингвистики) сопутствуют

специфические коммуникативные и социальные условия языковой деятельности, особые установки и презумпции языковых субъектов. Это отражает более общую зависимость лежащих в основе языковой деятельности когнитивных процессов от ее коммуникативных условий (см.: Рахилина 2000, 16). В психолингвистической модели производства речи В. Левельта выделяется несколько автономных узлов, в том числе и узел концептуализации; важно то, что на данном этапе производства речи программируется не только понятийный образ ситуации, но и общий план коммуникативного поведения, включая интенцию, сценарий и последствия (Levelt 1989, 9).

В связи с этим ср. высказывание И. К. Архипова: «[...] Многие классификационные схемы так и останутся безжизненными, пока они не наполнятся дыханием конкретных участников акта коммуникации» (2008, 23). Иначе эту мысль высказал великий Хорхе Луис Борхес:

Историк Снорри Ступлусон, чем только в своей жизни не занимавшийся, составил в начале XII века толковый словарь традиционных оборотов исландской поэзии, из которого, к примеру, можно узнать, что «чайка вражды», «коршун крови» и «кровавый» (или „красный”) лебедь» обозначают ворона, «дом кита» или «снизка островов» – море, а «обитель зубов» – рот. Сплетаясь в стихах и держась стихом, эти метафоры вызывали (точнее – должны были вызывать) радость удивления, мы же теперь не находим в них живого чувства и считаем усложненными или излишними (2000, 335).

Именно эта проблема: обусловленность полисемии лексических единиц социально-коммуникативным и антропологическим фактором, – представляет предмет данного исследования. Я исхожу из предпосылки, согласно которой каждый факт полисемии имеет (и должен получать в лингвистическом описании) соответствующую когнитивную атрибуцию, т.е. представлен в языковом сознании носителей языка – пусть это будет этническая общность, социальная группа или отдельный индивид. Это, в свою очередь, связано с внешними, т.е. социальными и коммуникативными условиями вторичной номинации, со «специфическими кооперативными потребностями» языковых субъектов, как утверждал Е. Д. Поливанов (1991, 539). Напомню, что выдающийся русский лингвист считал первостепенной задачей языкознания обратиться к изучению «коллективно-психологических фактов» языковой деятельности, «взаимных причинных связей между языковыми явлениями и жизнью носителей языка».

[...] Существенна связь [...] не только с материальной культурой, а с экономическим бытием в целом, главным образом, с теми сношениями между людьми, между различными коллективами, которые прежде всего и диктуют направления в ходе процессов языка (1991, 540).

В работах по философии языка достаточно часто встречается точка зрения, согласно которой психологический и социальный факторы языковой деятельности противодействуют: первый представляется как центробежный, обуславливающий дифференциацию, идиосинкразию языкового поведения; второй – как центростремительный, интегрирующий, вносящий в языковое поведение единство и системность. Этот контраст хорошо виден на примере оценки лингвистической теории Ф. де Соссюра. Так, О. Лещак констатирует, что согласно широко распространенному представлению «Соссюр гипостазировал язык, рассматривая его как онтологически социальное явление» (2004, 52). Антипсихологизм Соссюра видят в том, что язык рассматривался им как «социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду» (Соссюр 1977, 52). Последнее выражение, по существу, означает: «внешний по отношению к психической деятельности индивидов». У Соссюра мы читаем:

Язык – не деятельность говорящего. Язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности (т.е. целенаправленной умственной активности индивидов. – А. К.) и сознательно в нем проводится лишь классифицирующая деятельность [...] (1977, 52).

Любопытно, что и сам Лещак, хотя пишет об амбивалентном характере теории Соссюра, т.е. о присутствии в ней элементов социологии и психологии языка (2004, 52 ссл.), считает эти элементы несовместимыми, высказывания же Соссюра оценивает как «противоречивые», «вносящие путаницу в данную проблему» (т.е. проблему онтологии языка).

Парадокс структурализма в версии Соссюра и его последователей состоит, однако, в другом, а именно – в том, что тезис о социальной природе языка имел, скорее, декларативный характер (подробнее об этом см.: Поляков 1987, 8; Киклевич 1993, 10; 2007, 338 сл.). Хотя швейцарский лингвист, последователь Э. Дюркгейма (см.: Пантыкина 2007), утверждал, что по своей сущности язык является социальным феноменом, и указывал на связь между семиологией и социальной психологией (1977, 54), а о «внешней лингвистике» писал, что она «занимается очень важными предметами» (имеющими отношение к речевой деятельности), в действительности Соссюр трактовал язык как замкнутую, имманентную систему значимостей, индифферентную по отношению к жизнедеятельности

языковой общности: «Язык есть система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку» (1977, 61). Поэтому для понимания общетеоретической установки Соссюра важно следующее его утверждение:

Наше определение языка предполагает устранение из понятия «язык» всего того, что чуждо его организму, его системе, – одним словом, всего того, что известно под названием «внешней лингвистики». [...] Во всяком случае разделение обеих точек зрения (изучения социального функционирования языка и «изучения языка в собственном смысле». – А. К.) неизбежно, и чем строже оно соблюдается, тем лучше (1977, 59 ссл.).

Противопоставление психологического и социального как индивидуального и надиндивидуального (Дюркгейм 2013) верно только отчасти, потому что у истоков всех социальных фактов лежит целенаправленная и специфически организованная деятельность индивидов. В этой зависимости отдавал себе отчет и Соссюр, понимая, что за конвенциональными, социально релевантными категориями языка должна стоять психолингвистическая реальность, т.е. их присутствие в процессах переработки информации человеком. В связи с этим Лешак приводит весьма показательную цитату из «Заметок по общей лингвистике»:

Неверно, что такие результаты членения (слова. – А. К.), как корень, тема, суффикс, являются чистыми абстракциями. Прежде всего и до того, как заводить речь об абстракциях, необходимо иметь жесткий критерий для определения того, что можно назвать реальным в морфологии. Критерий таков: реальным является то, что говорящий субъекты хоть в какой-то степени осознают [...] (Соссюр 1990, 71 сл.).

С другой стороны, на психологическую деятельность индивидов влияет прагматический (в том числе и социальный) контекст. Эта идея лежит в основе теории У. Джемса, одного из предшественников современного функционального прагматизма. У Джемса читаем:

Мое мышление всегда связано с деятельностью. [...] В данную минуту для меня, пока я пишу эту главу, способность подбора фактов и умение сосредоточивать внимание на известных сторонах явления представляется сущностью человеческого ума. В других главах иные свойства казались и будут еще казаться мне наиболее существенными сторонами человеческого духа (Джемс 1981, 15).

Именно поэтому Джемс утверждал, что «мышление всегда связано с личным интересом», а названия вещей «более характеризуют нас, чем саму вещь» (там же).

Высказывание Джемса: «Реальность остается явлением совершенно безразличным к тем целям, которые мы с ней связываем», с лингвистической точки зрения следует интерпретировать в том смысле, что процесс ментальной категоризации предметов и явлений внешнего мира функционально и субъективно ориентирован (что не исключает и его объективно-онтологической обусловленности): когнитивная система человека, по крайней мере в определенной степени, формируется под влиянием его внешних «жизненных» условий, она отражает специфику категоризации действительности с учетом конкретных планов поведения и в конкретных ситуациях кооперативной деятельности социальных групп.

У Дюркгейма социальные факты с функциональной точки зрения представляют собой абстракции:

Коллективная привычка существует не только как нечто имманентное ряду определяемых ею действий, но по привилегии, не встречаемой нами в области биологической, она выражается раз навсегда в какой-нибудь формуле, повторяющейся из уст в уста, передающейся воспитанием, закрепляющейся даже письменно. Таковы происхождение и природа юридических и нравственных правил, народных афоризмов и преданий, догматов веры, [...] кодексов вкуса, устанавливаемых литературными школами и пр. Существование всех их не исчерпывается целиком одними применениями их в жизни отдельных лиц, так как они могут существовать и не будучи действительно применяемы (2013).

К языку такой подход применим только отчасти. Нельзя отрицать существования номотетических свойств языка, т.е. таких, которые присущи языку как системе и не отражаются в индивидуальной психике его носителей, не представляют объектов ментально-рефлексивной деятельности (к этой сфере относятся, например, все субзнаковые явления: фонетические чередования, правила фонетических изменений и др.) (см.: Kiklewicz 2007a, 71). Семантика относится, однако, к другой сфере языка – идеографической, которая обусловлена коммуникативно-прагматически и социально ориентированной деятельностью индивидов. Значение слова – это не только факт лексико-семантической системы, «чистая значимость», но и – прежде всего – единица системы переработки информации в человеческом сознании. Поэтому когда в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой мы читаем определение существительного *столовая*: ‘Учреждение общественного питания с подачей горячих обедов’, то важно не только то, насколько хорошо оно позволяет отличить данное слово по значению от слов *ресторан*, *кафе*, *закусочная*, *забегаловка*, *трактир*, *кабак*, *таверна* и др., но и то, насколько адекватно оно отражает характерный для неспециальных дискурсов тип категоризации действительности, в част-

ности, уместность или неуместность общих дескрипторов типа «учреждение общественного питания».

В сложившейся в языкознании традиции значение рассматривается как соответствующая функция языковой единицы – языковой формы, но ведь с номинативной точки зрения значение представляет собой результат категоризации предметов и явлений действительности. Этот прагматический и в какой-то степени антропологический фактор не получил должного отражения в лингвистической семантике, причем – вопреки всякой логике – также и в теориях, которые провозглашают как главенствующий антропоцентрический принцип описания языка. Так, лежащая в основе современной когнитологии теория семейных категорий Л. Витгенштейна внешне предлагает принципы новой, «естественной» классификации, хотя фактически она базируется на укоренившемся в сознании многих поколений ученых вербоцентризме: разные элементы объединяются в одну понятийную категорию на чисто формальном основании – благодаря существованию существительного *Spiel* (Kiklewicz 2007b, 340). Категория, по Витгенштейну, представляет собой «сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом» (1994, 110), но в случае категории [игра] «семейная» метафора – недоразумение, потому что в одну семантическую категорию попадают экземпляры разных понятий. Ни о каком «семейном» сходстве между игрой в рекреационном, музыкальном или театральном значении говорить нельзя, к тому же ни сам Витгенштейн, ни его последователи не потрудились привести каких-либо психологических доказательств существования «фамильных категорий», которые, в принципе, представляют собой лингвистический конструкт. В связи с этим я хотел бы напомнить высказывание Э. Бенвениста: «Иногда полезно потребовать у очевидного подкрепить свою очевидность» (1974, 292).

То же мы наблюдаем и в современной лингвокультурологии. Внешне декларируется антропоцентрический подход к языку. «В языковой картине мира никак нельзя „упустить“ информацию, которая значима для человека» – так Е. В. Рахилина (2000, 13) представляет научное кредо одного из авторитетов этой области языкознания – А. Вежбицкой. С другой же стороны, понятие «языковой картины мира» оказывается наиболее востребованным тогда, когда языковые факты, например, факты лексической сочетаемости, нельзя объяснить с точки зрения здравого смысла. Например, по-русски не говорят **идти сквозь улицу*, хотя такое выражение (как соответствие русскому *идти по улице*) представлено в польском языке: *iść przez ulicę*. Поскольку нет никаких доказательств того, что за этими двумя типами лексической сочетаемости скрываются особенности восприятия мира поляками и русскими, ученые прибегают

к уловке – апелляции к «языковой картине мира». Так понимаемая «языковая картина мира» – это как бы картина (я неизменно употребляю этот термин в кавычках); ничего удивительного, что, как признает сама Рахилина (2000, 11), многие элементы познавательной системы человека остаются вне системы форм языковой репрезентации.

Вербоцентризм по-своему находит отражение в термине «п е р е д а ч а и н ф о р м а ц и и»: семантическое содержание обычно рассматривается как неотъемлемый атрибут формы знака, тогда как познавательная активность языковых субъектов остается без внимания. При таком подходе обмен знаками (т.е. языковыми формами) трактуется как обмен значениями. На ошибочность данной трактовки указывает М. В. Никитин:

Знаки не несут и не передают значения, [...] а возбуждают аналогичные (с моей точки зрения, скорее подобные, пересекающиеся. – А. К.) информационные процессы в двух сознаниях. [...] Обмен формами слов имеет результатом актуализацию одинаковых или близких значений в головах общающихся (1988, 16).

И. К. Архипов, который привел эту цитату в своей статье, предлагает альтернативную по отношению к общепринятой, в каком-то смысле эмпириоцентристскую точку зрения: языковая компетенция онтологически конкретна, т.е. представляет собой форму существования личности:

Знание о сигналах и механизмах их использования есть с и с т е м а я з ы к а конкретной личности. Результатом обобщения этого знания о конкретном языке в рамках всего коллектива есть система национального языка. Если система языка одной личности является ее исключительным знанием, постоянно корректируемым в ходе общения с другими членами языкового коллектива, то система общенародного языка есть знание специалистов, неравномерно распределенное между ними. [...] Она лишь представлена и лишь в сознаниях специалистов, стохастически, в зависимости от уровня компетенции каждого из них (2011, 459).

Архипов пишет, что назрела необходимость перейти от описания языка как системы знаков к описанию языковых личностей и использованию ими системы языка в сфере общения (2008, 7). Поскольку, «выступая в роли языковой личности, человек выполняет одну из своих социальных функций» (там же), языковое поведение должно описываться по принципу интегративности. Применительно к описанию лексической семантики это означает, что информация о номинативном содержании лексических единиц должна быть дополнена информацией о социальных, антропологических условиях его возникновения и функционирования. Нельзя,

разумеется, отрицать, что система языка является социальным фактом, т.е. в значительной степени довлеет над речевым поведением отдельных членов языкового сообщества, но, с другой стороны, как справедливо указывает Архипов (2008, 8), в основе коллективного опыта лежит «опытное знание, полученное отдельными индивидами». Поэтому лексическое значение коллективно и индивидуально одновременно: оно коллективно в силу своей инвариантности по отношению к лексическим знакам – инструментам информационного обмена в процессах коммуникации (вспомним, что, по Р. Якобсону, значение знака – это его перевод в другой, альтернативный знак, см.: Jakobson 1959, 232), и индивидуально в силу своей принадлежности к тезаурусу (по Архипову) каждой языковой личности, которая принимает участие в информационном обмене.

Следует согласиться с утверждением русского ученого:

[...] Для того, чтобы «пользоваться языком», нужно прежде всего научиться осмыслять признаки предметов и явлений окружающего мира и их связи. [...] Следует также иметь в виду, что эти признаки реально осмыслить может только индивидуальная личность, а не общество (2008, 24).

Эта конкретность языковой (а именно – лексической) компетенции находит отражение в креативности и рефлексивности речевого поведения, ср. пример из газетной статьи:

- (1) Я не чувствую себя американкой, потому что не знаю, что это значит («Литературная газета»; 18 II 1981).

Если по отношению к грамматической системе языка требование когнитивной атрибуции единиц и категорий не является обязательным, то изучение лексической семантики должно предполагать интерпретативный аспект, а именно – интерпретацию значений и лексико-семантических отношений с учетом системы когнитивных репрезентаций, реализующихся в дискурсах разных типов.

«Эпоха Росинанта...» Семантическая деривация и семантическая компиляция

Многозначное слово, как читаем в «Словаре» О. С. Ахмановой (2004, 235), имеет несколько значений. При этом многозначность/полисемия понимается как явление семантической производности: по Ахмановой, значения полисеманта связаны между собой, возникают «в результате

видоизменения и развития первоначального значения» (там же, 335). Любопытно, что в лексикографической практике указанная производность учитывается непоследовательно: как пишет Ф. А. Литвин, обобщая свои наблюдения над описанием многозначности в английском языке, «в существующих словарях не ставится задача отразить семантическую общность описываемых (многозначных. – А. К.) единиц» (2005, 54).

Признак производности отличает полисемию от семантической ошибки. Как пишет С. Н. Цейтлин, семантические ошибки появляются в результате того, что говорящий «неверно или неточно представляет себе значение слова нормативного языка и вследствие этого неправильно употребляет его в своей речи» (1982, 93). Приведем несколько заимствованных из разных источников примеров семантических ошибок, оговорок и окказионализмов:

- (2) Эпоха Р о с и н а н т а (вместо: Ренессанса).
- (3) Я бы хотел, когда вырасту, быть добрым, смелым и р а в н о д у ш н ы м (вместо: хладнокровным).
- (4) Мне тяжело быть т о л е р а н т н ы м, потому что я очень несмелый (вместо: решительным, категоричным, безапелляционным, ультимативным).
- (5) В облике певца поэт п о д о з р е в а л себя (вместо: подразумевал).
- (6) Это произведение было высоко оценено не только современниками поэта, но и его п р е д ш е с т в е н н и к а м и (вместо: потомками).
- (7) В клетке сидит мой п е р н а т ы й друг – хомячок (вместо: лохматый).
- (8) Гагарин был первым п р о х о д и м ц е м в космосе (вместо: первопроходцем).

Конечно, в основе речевых (в том числе и семантических) ошибок лежат какие-то языковые факторы – например, семантические ассоциации или фонетическое сходство слов. Однако то, что отличает их от полисемантов, – это отсутствие семантической производности, неконтролируемое субъектом и ненамеренное употребление слова в новом значении.

Можно было бы думать, что полисемия такого рода языковой инфантильности лишена. *Кошки-мышки* – это название детской игры производно от основных значений существительных: сама игра как бы имитирует ситуацию, в которой реальная кошка ловит реальную мышку. Но материал описания лексических значений в толковых словарях показывает и совсем другую картину. Например, в словаре Ожегова/Шведовой можно найти шесть значений существительного *кошка*.

- Кошка: 1) хищное млекопитающее семейства кошачьих, напр. *дикая кошка*; 2) домашний вид такого животного, а также мех его, напр. *сибирская кошка*; 3) самка домашнего кота, напр. *кот и кошка*; 4) (мн.) род железных шипов (или иных приспособлений), надеваемых на обувь для лазанья на столбы, по

отвесным склонам; 5) (спец.) небольшой якорь; 6) (мн.) в старину: ременная плеть с несколькими хвостами.

Кроме того в словаре приводятся употребления существительного *кошка* в составе фразеологизмов типа *Кошка, которая гуляет (ходит) сама по себе*, которые реализуют дополнительные вторичные значения (например: ‘о человеке особенном и независимом, действующим в одиночку, по собственному усмотрению, не так как все’).

Получается, что у существительного *кошка* в современном русском языке около десяти вторичных значений, каждое из которых так или иначе связано отношением производности с основным значением. Возникает, однако, вопрос: действительно ли такого рода полисемия (много-значность *par excellence*) отражена в языковом сознании, удерживается в языковой памяти носителей языка, удовлетворяет принятому выше критерию когнитивной атрибуции? Нет никакого сомнения в том, что подобный способ представления содержания многозначного слова имеет чисто компилятивный, кумулятивный характер: нагромождение в одной дефиниции значений и семантических оттенков, функционирующих в разных сферах речевого поведения, включая специальные и исторические дискурсы, представляет собой спекуляцию, не имеющую ничего общего с языковой компетенцией. Подобно тому, как речевые ошибки типа *Ренессанс > Росинант* не опираются на интеракцию значений, так и взятые в совокупности, закодированные в лексеме *кошка* понятийные категории [хищное млекопитающее семейства кошачьих], [небольшой якорь], [ременная плеть с несколькими хвостами] и др. не отражают какого-либо фрагмента ментального словаря – они представляют собой совершенно искусственное объединение фактов, относящихся к разным областям функционирования языка (см. об этом также: Kiklewicz 2009, 65). Все вторичные значения обретают единство только в словаре как форме манифестации специального лингвистического знания (вспомним в связи с этим высказывание Архипова), но ведь понятие полисемии имеет совсем другой смысл – оно не ограничено рамками метаязыкового дискурса.

В связи можно задать вопрос, насколько правомерен сам термин «много значность» (как и термин «поли семия») – действительно ли в языковой компетенции отдельных носителей языка представлено «много» или хотя бы несколько значений? Если даже это и так (применительно к части лексикона), то надо иметь в виду, что разные значения многозначного слова так или иначе функционально распределены по соответствующим регистрам речи и типам коммуникативных ситуаций.

Подобное положение, впрочем, наблюдается и в области синонимии, которая преимущественно представляет собой результат компилятивной

операции – искусственного объединения в синонимическом ряду лексем, которые – в силу их социальной и коммуникативно-прагматической маркированности – с точки зрения языковой компетенции представляют собой диспаратные, разрозненные факты. Например, прилагательные *терпимый*, *снисходительный*, *толерантный* образуют синонимический ряд, однако совершенно очевидно, что они относятся к разным регистрам языка: общему, социально немаркированному и специальному (книжному). Наверняка все они присутствуют в языковом сознании лингвиста-словарника или писателя, но вряд ли – в сознании рядового носителя языка, «дяди Васи, слесаря-сантехника из соседней квартиры», по выражению Б. Ю. Нормана (1991, 12). Кстати, отмечу, слово *толерантный* вообще не встречается в «Частотном словаре русского языка» под ред. Л. Н. Засориной.

Синонимия, по наблюдениям С. Гринева-Гриневича (2008, 73), широко распространена во многих областях науки и техники; например, в области онкологии или терминоведения более 50% терминов – синонимы. Однако синонимия эта часто только видимая, потому что разные формы выражения одного и того же понятия, как правило, функционируют в работах разных исследователей, представителей разных научных школ. В связи с этим приведу мнение одного из наиболее авторитетных польских и русских специалистов в области терминоведения:

В медицине одна из наиболее распространенных в настоящее время форм туберкулеза кожи была впервые описана в 1855 г. французским дерматологом Антуаном Базеном и первоначально получила название *болезнь Базена*. Эта болезнь характеризуется образованием в подкожной клетчатке твердых узлов, кожа над которыми становится розоватой, вследствие чего в дальнейшем появилось новое наименование, основанное на этом внешнем признаке – *уплотненная эритема* (эритема – ограниченное покраснение кожи). С дальнейшим изучением болезни и открытием ее возбудителей – микробактерий туберкулеза – эта болезнь получила свое место в классификации болезней, а ее наименование – нынешнюю системную форму *индуративный туберкулез кожи*. Ранее синонимия занимала первое место в списке недостатков терминологий, но позднее оказалось, что синонимы являются резервным фондом лексического материала, который всегда в дефиците, о чем свидетельствуют разошедшиеся бывшие абсолютные синонимы *атом* и *молекула*, *документ* и *инструмент*; *акведук*, *водовод* и *водопровод* (есть еще масса любопытных примеров). И это расхождение тоже является свидетельством существовавшей ранее неявной несводимости. При современном темпе роста терминологий (по данным Британской энциклопедии в 20 веке появилось свыше двух с половиной тысяч новых наук и научных дисциплин) отношение к синонимам в терминологии изменилось (Гринева-Гриневич; из частной переписки).

Совершенно понятно, что степень разрозненности языковых фактов в «системе языка» усиливают разного рода окказионализмы. Например, в газетной статье мы читаем:

- (9) А на «Первом канале» уже в середине этой недели случилась очередная перестановка. В глубокой ночи, куда сегодня загоняют всю «духовку» (от слова «духовность» – не путать с духовым шкафом!), была загодя объявлена программа Льва Николаева «Раба любви» («Известия»; 9 VI 2006).

Существительное *духовка* в данном случае имеет значение ‘информация, имеющая отношение к духовной культуре’. Поскольку между этим словом и существительным *духовка* в значении ‘духовой шкаф’ нет никакой семантической производности, можно говорить о явлении омонимии, однако явление это носит частный характер и никоим образом не может быть экстраполировано на систему современного русского языка.

Полисемия, синонимия, антонимия, как они традиционно описываются в лексикологии и лексикографии, при когнитивно ориентированном подходе оказываются лингвистическими фантомами. Рядовому носителю языка (например, изучающему теоретическую лексикологию студенту филологического факультета) только и остается воскликнуть: «Дурят нашего брата!» Но размеры этой спекуляции еще больше.

Одним их критериев сопоставительной лексикологии считается объем лексикона (см.: Супрун 1983, 8). Ученые при этом опираются на количественные данные об объеме толковых словарей. Так, для определения типологической характеристики славянских языков оказывается важным, что самый большой словарь чешского языка включает 250 тыс. слов, русского языка – 120 тыс. слов, а македонского языка – 62 тыс. слов (данные А. Е. Супруна). Вместе с тем совершенно очевидно, что «все слова» хранятся только в памяти лингвиста-словарника или (если учесть специальную терминологию – тогда объем словаря, например, в английском языке, может достигать до 1 млн. слов) в компьютерной программе.

Среднестатистический носитель языка употребляет от 6 до 8 тыс. слов, хотя его словарный запас может включать 40 тыс. лексических единиц (вместе с фразеологизмами). В лексиконе каждого «живого» носителя языка поэтому имеются многочисленные лакуны – ср. пример из художественной прозы:

- (10) В словаре Фомы Гурьяновича не было слова «скорбный». Поэтому он не мог бы назвать, что за выражение установилось на лице Герасимовича (Александр Солженицын).

- (11) Он еще не знал слова «клип», но его топорной эстетикой уже владел на уровне Стива Бека (Валерий Кичин).
- (12) Но Пава не понял юмора, потому как не знал слова «скаल्प» (Галина Щербакова).
- (13) В то время я еще не знал слова «непедагогично», но чувствовал, что со мной поступили нехорошо (Феликс Кривин).

Б. Ю. Норман пишет о том, что многие слова знакомы нам «только внешне, по звуковой (или буквенной) оболочке» (1987, 47), приводя примеры русских слов *байховый, паюсный, жерминаль, манерка*.

Получается, что объем словаря с лингвистической точки зрения («изучения языка в собственном смысле», по Соссюру) – фикция, которая в большей степени отражает историю письменной культуры данного народа, уровень цивилизационного развития и социальную стратификацию общества и др., чем реальное функционирование лексической системы. Кроме того в процессе речевой деятельности в языке постоянно появляются новые слова, а некоторые ранее существовавшие уходят из употребления. Пока лингвист отметит все существующие, употребляемые слова, появятся новые, а часть отмеченных перейдет в разряд историзмов и архаизмов. Таким образом, понятие объема словаря имеет, скорее, операциональный смысл – необходимо для решения частных лингвистических задач, для описания же языковой компетенции мало пригодно.

Такой, компилятивный характер имеет и само понятие языка в теории Соссюра и его последователей, на что в 1935 г. обратил внимание А. Гардинер:

[...] Каждый индивид обладает нормой для своей «речи», которая дается ему извне (речь идет о системе языка в представлении структуралистов. – А. К.); фактически он получает ее посредством своего наблюдения над индивидуальной «речью» других. В известном смысле мы можем сказать, что язык (*la langue*) есть нечто вроде множественного числа речи (*la parole*) [...] (1960, 14).

По мнению Архипова, в структурной модели языка «семантическая система языка представляется [...] „складом” всех или наиболее регулярных речевых смыслов „привязанных” к существующему репертуару средств выражения» (2008, 22).

В действительности же не все элементы речевого поведения индивидов имеют общий источник – единую и обязательную для всех членов сообщества систему языка. Как справедливо писал Гардинер, «индивиды обладают своими лингвистическими привычками, так же как и группы индивидов» (там же). Это означает, что сугубо аддитивный, суммативный подход к определению языка не соответствует реальности, поскольку в рамках

одного и того же языкового сообщества одновременно функционирует несколько программ речевого поведения, т.е. субкодов, которые частично пересекаются, а частично, особенно в аспекте лексикона, различны.

Компилятивностью грешат и некоторые лингвистические описания, выполненные в соответствии с принципом интегративности, т.е. с учетом разных аспектов языковых единиц и разных моделей их представления. Так поступает польская исследовательница Э. Енджейко, которая предлагает при описании лексической семантики объединить модели структурной и когнитивной лингвистики (Jędrzejko 2000, 59). Енджейко обращается к таким лингвистическим направлениям, как компонентный анализ, семантический синтаксис, теория прототипов и концептуальные метафоры. Исследовательница отдает себе отчет в том, что осуществляет только обзор дескриптивных возможностей, которые дает современное языкознание, однако нельзя не заметить, что в результате такого описания получается нечто вроде «семантической мозаики» – компиляция разрозненных семантических моделей, которые не создают никакой целостной картины лексического содержания.

В функциональной грамматике С. Дика заложено требование психологической адекватности: лингвистическая модель должна соотноситься с психологическими механизмами переработки информации (Dik 1983, 1 ссл.). Иначе обстоит дело в функциональной грамматике в версии Санкт-Петербургской школы. А. В. Бондарко в качестве фундаментального рассматривает понятие функционально-семантического поля (ФСП):

Функционально-семантическое поле – это двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне (1983, 40).

Хотя в определении ФСП имеется указание на взаимодействие разных форм выражения инвариантного понятия, однако ни Бондарко, ни его последователи не приводят никаких психологических доказательств принадлежности этих разноуровневых форм к одной категории. Сомнение относительно категориального единства этих форм усиливает признание самого автора идеи ФСП о том, что многие значения контекстно обусловлены, т.е. не запрограммированы в системе языка:

[...] При помощи грамматической формы в высказывании передается семантика, которую целиком нельзя приписать форме, поскольку в выражении этой семантики участвуют самые разнообразные средства высказывания (1984, 17).

Например, в статье немецкой славистики М. Вингендер рассматриваются (образующие ФСП) лексические средства выражения точного и неопределенного количества в польском языке (Wingender 2003). К одной категории языка относятся существительные, числительные, прилагательные, наречия, глаголы. Основанием для этого является их отношение к семантике количественности, хотя ни Вингендер, ни другие исследователи, например, В. В. Акуленко (1990, 17 ссл.), не подтверждают психолингвистической реальности такого объединения лексических форм. Дело в том, что в семантическом плане категория количества неоднородна: она представлена как минимум двумя большими классами – множества и числа (см. Киклевич 1998, 5). Кроме того элементы количественной семантики по-разному структурированы в содержании слова. Поэтому представленные списком «формы выражения количества», например, лексемы и словоформы *литр*, *два*, *поразмислить*, *выкосить*, *тоньше*, *нормальный*, *высокий*, *крикнуть*, *много* и др. вызывают недоумение: без специального лингвистического анализа трудно найти основание их семантической общности и категориального единства (вспомним приведенное в первом пункте замечание Соссюра о том, что реальность лингвистических объектов должна базироваться на осознанном владении носителями языка). В этом случае, следуя совету Архипова, мы должны были бы опять обратиться к стохастическому языковому, а скорее, теоретическому сознанию специалистов по функциональной грамматике. С точки зрения же обыденного сознания подобная категоризация была бы невозможна: поскольку, например, лексические единицы *литр* и *два* допускают непосредственную сочетаемость – в конструкции *два литра*, то совершенно очевидно, что они представляют разные семантические категории.

Литература

- Акуленко, В. В. (ред.) (1990), Категория количества в современных европейских языках. Киев.
- Архипов, И. К. (2008), Язык и языковая личность. Санкт-Петербург.
- Архипов, И. К. (2011), О «переносе информации» в прямом и переносном смысле, [в:] *Przegląd Wschodnioeuropejski*, II, 453–464.
- Ахманова, О. С. (2004), Словарь лингвистических терминов. Москва (2-е изд.).
- Бенвенист, Э. (1974), Общая лингвистика. Москва.
- Бондарко, А. В. (1984), Функциональная грамматика. Ленинград.
- Борхес, Х. Л. (2000), Страсть к Буэнос-Айросу. Произведения 1921–1941. Санкт-Петербург.
- Витгенштейн, Л. (1994), Философские работы. Ч. 1. Москва.
- Гардинер, А. (1960), Различие между «речью» и «языком», [в:] Звегинцев, В. А. (ред.), История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. Москва, 13–20.
- Гринев-Гриневиц, С. В. (2008), Терминоведение. Москва.
- Джемс, У. (1981), Мышление, [в:] Гиппенрейтер, Е. Б./Петухов, В. В. (ред.), Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Москва, 11–20.

- Дюркгейм, Э. (1996/2013), Метод социологии, [в:] Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. Москва, 256–309. Цит. по: <http://socioline.ru/pages/e-dyurkgejm-metod-sotsiologii> [Доступ 23 декабря 2013].
- Засорина, Л. Н. (ред.), Частотный словарь русского языка. Москва.
- Киклевич, А. (1993), 54. Язык – личность – диалог (Некоторые экстраполяции социометрической концепции М. М. Бахтина), [в:] Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1 (2), 9–20.
- Киклевич, А. (1998), Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации. München.
- Киклевич, А. (2007), Притяжение языка. Том 1. Семантика, лингвистика текста, коммуникативная лингвистика. Olsztyn.
- Лещак, О. (2004), Методология функционального прагматизма и структурно-функциональная лингвистика. Попытка демифологизации взглядов И. Канта, В. Джемса и Ф. де Соссюра, [в:] Kiklewicz, A. (red.), *Paradygmaty filozofii języka, literatury i teorii tekstu*. Slupsk, 51–62.
- Литвин, Ф. А. (2005), Многозначность слова в языке и речи. Москва.
- Никитин, М. В. (1988), Основы лингвистической теории значения. Москва.
- Норман, Б. Ю. (1987), Язык: знакомый незнакомец. Минск.
- Норман, Б. Ю. (1991), Лингвистика каждого дня. Минск.
- Пантыкина, М. И. (2006), Опыт философской интерпретации теории языка Ф. де Соссюра, [в:] Вестник Гуманитарного института. 1, 24–33.
- Поливанов, Е. Д. (1991), Труды по восточному и общему языкознанию. Москва.
- Поляков, Н. В. (1987), Лингвистика и структурная семантика. Новосибирск.
- Рахилина, Е. В. (2000), Когнитивный анализ имен: семантика и сочетаемость. Москва.
- Розет, И. М. (1977), Психология фантазии. Экспериментально-теоретическое исследование внутренних закономерностей продуктивной умственной деятельности. Минск.
- Соссюр, Ф. де (1977), Труды по языкознанию. Москва.
- Соссюр, Ф. де (1990), Заметки по общей лингвистике. Москва.
- Супрун, А. Е. (1983), Лексическая типология славянских языков. Минск.
- Цейтлин, С. Н. (1982), Речевые ошибки и их предупреждение. Москва.
- Dik, S. C. (1983), Funktionale Grammatik – eine Übersicht, [in] *Studium Linguistik*. XIV, 1–19.
- Jakobson, R. (1959), *On Linguistic Aspects of Translation*. Cambridge.
- Jäkel O. (1997), *Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitivlinguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft*. Frankfurt am Main – Berlin – Bern etc.
- Jäkel O. (1998), *Diachronie und Wörtlichkeit: Problembereiche der kognitiven Metapherntheorie*, [in:] Ungerer F. (Hrsg.), *Kognitive Lexikologie und Syntax*. Rostock, 99–118.
- Jäkel O. (2002), *Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor (Applied to Religious Texts)*, [in:] <http://www.metaphorik.de> [Доступ: май 2002].
- Jędrzejko, E. (2000), *O językowych wykładnikach pojęcia „wstydy” w różnych koncepcjach opisu*, [w:] *Język a Kultura*, 14, 59–75.
- Kiklewicz, A. (2007a), *Aspekty teorii względności lingwistycznej*. Olsztyn.
- Kiklewicz, A. (2007b), *Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej*. Łask.
- Kiklewicz, A. (2009), *Funkcjonalno-komunikacyjne aspekty teorii metafory*, [w:] *Poradnik Językowy*. 3, 53–67.
- Levelt, W. (1989), *Speaking: From Intention to Articulation*. London.
- Wingender, M. (2003), *Das Wortfeld der Quantität im Polnischen*, [in:] *Zeitschrift für Slawistik*. 48/1, 83–92.